

РУССКИЕ РОЗЕНКРЕЙЦЕРЫ

Бывшее здание райкома КПСС Дзержинского района. До этого дворец князей Орловых. Одиннадцать часов вечера. Вполнакала горят лампочки в чудом сохранившейся дореволюционной люстре. Тусклое зеркало над камином.

На сцене за дубовым столом, покрытым крахмальной скатертью, сидит в черном берете Гиацинт — Магистр Третьей Степени ордена розенкрейцеров. Совиные глаза мерцают на восточном лице. Топорщится на выгнутой груди твердый фрак. В петлице махровая роза и в сердцевине ее тонкий крест. Кровавые лепестки осторожно поглаживают золотые перекладыны креста.

Точно такие же розы у всех находящихся в зале.

Гиацинт сидит неподвижно, положив два тяжёлых волосатых кулака на скатерть. Свет ключьями свисает с его лица. Между кулаками — красный кубок, сделанный в виде все той же розы с шипами, воткнутой в основание.

Чуть поодаль, укутавшись пледом до подбородка, лежит на раскладушке Тан, парализованный гроссмейстер ордена. Массивная золотая цепь разложена на пледе вокруг его глянцевого черепа.

У задней стены металлический сейф, и над ним двуглавый феникс российского герба.

Десять человек застыли на жестких стульях, напряженно глядя на сцену.

Между рядами осторожно движется Вотов — обученный против всего начальник службы безопасности ордена. Счётчик Гейгера потрескивает в его коротких руках. Кожаная куртка Вотова, оцетинившись шипами и заклёпками, плывёт сквозь душливное месиво человеческих запахов.

Магистр Гиацинт поднимается со стула. Совиные глаза ощупывают поочередно сидящих в зале и застывают, наконец, на Алине Ильиничне Немчинской, носителнице тайной доктрины ордена.

Алина Ильинична — высокая стареющая брюнетка с яркими рысьими глазами в синих нимбах. Чернильные пиявки бровей шевелятся на её набальзамированном лице. Чётко прочерчены химические красные губы. Одета Алина Ильинична в волочащееся по полу чёрное шёлковое платье с длинным разрезом до самого пояса. Под платьем, по-видимому, ничего нет. Почувствовав на себе оценивающий взгляд

Гиацинта, она невольно поправляет шёлк на коленях, ещё больше открывая пухлую ногу, покрытую цветной татуировкой.

Не отрывая совиных глаз от тела носительницы тайной доктрины, Гиацинт произносит металлическим голосом:

“Братья и сёстры! Я, Гиацинт, Магистр Третьей Степени, этими словами открываю радение возрожденного ордена российских розенкрейцеров. Мы начнём с того, что разделим между собой древний напиток ордена.”

Театральным движением откидывает крышку кубка. Его восточное лицо обволакивается густыми клубами белого пара.

Пряный душливый запах наполняет зал.

Обеими руками Гиацинт осторожно подносит кубок к лежащему на раскладушке Тану. Нижняя челюсть гроссмейстера отваливается, заголя золотые коронки на огромных клыках.

Оскал гроссмейстера — волч.

Магистр осторожно вливает напиток.

“И-и-и!” — радостно провозглашает Тан, приоткрывая глаза.

Гиацинт резко проводит ребром левой ладони от горла к животу. Воздух над его головою зажигается зеленоватым холодным свечением и сразу гаснет.

Дымящийся кубок приближается к Алине Ильиничне.

Четыре руки сплетаются пальцами вокруг бронзового стебля с шипами.

Алина Ильинична ставит кубок на своё обтянутое черным шелком лоно и, закинув голову назад, шепчет. Химические губы крошатся в белые клубы пара. Жадно глотает.

Красная струйка медленно стекает по бесконечно длинной шее под чёрное платье.

Алина Ильинична передает кубок сидящей справа от нее Наде.

Надя, плотная деревенская девушка лет семнадцати, попала сюда случайно. Она слегка побаивается, но любопытство пересиливает. Перед тем как взять кубок, одергивает обеими руками короткую коричневую юбку и вся краснеет. Отпив первый глоток, останавливается, но, почувствовав, что все на нее смотрят, пьет отчаянно и долго.

На землю за окном обрушивается проливной дождь. Крупные капли настойчиво стучатся в стекло.

Надя опускает кубок и, выпучив голубые глаза, сидит неподвижно, уставившись в переносицу. По ее безбровому волнистому лицу, не находя себе места, блуждает ухмылка. Тело постепенно разламывается на мелкие части.

Сидящий рядом Владимир Арчилович Краснопевцев забирает у Нади кубок.

На сцене Гиацинт, нервно подергивая веком, шепчет что-то на ухо ожившему Тану. Приносит с подоконника черный телефон с длинным шнуром, набирает номер.

“Нефтяные продать по 680,” — невнятно произносит в трубку гроссмейстер и в изнеможении откидывается на подушки.

Гиацинт поправляет массивную золотую цепь вокруг его головы. Веко магистра останавливается.

Роза кубка медленно плывет между лицами розенкрейцеров и, наконец, оказывается в руках старика-инвалида в синем плешивом пиджаке, увешанном орденами.

Овальные ноздри с торчащими из них прямыми волосками дрожат над раскрытым ртом, в котором мерцают два одиноких лиловых зуба. Разноцветная сбруя орденов угрожающе позвякивает.

“Не могу я пить эту дрянь,” — выкрикивает, наконец, инвалид в пиджаке и поспешно передаёт кубок своему соседу, Виктору Андреевичу Коржневу.

Коржнев, журналист-самоучка пятидесяти пяти лет с прокуренным бугристым лицом, родом с Урала. Пришел на собрание в надежде собрать материал для своей газеты. Слегка и привычно пьян. В чёрной грибнице рта, как маятник, качается отсыревшая белая сигарета. Перед тем как взять кубок, с вызовом сплевывает на начищенный паркет.

Запрокинув назад голову, пьёт большими глотками. Стриженный круглый затылок его наливается кровью. Усмехаясь, вытирает ладонью подбородок и относит пустой кубок на сцену.

Гиацинт ставит его на пол у изголовья гроссмейстера и, строго глядя на Алину Ильиничну, объявляет:

“Теперь Владимир Арчилович будет говорить о мистической сути российского розенкрейцества.”

Владимир Арчилович, щуплый седой человечек с заплесневевшими хвойными зрачками и сизым клиновидным носом, поднимается на сцену шаркающей походкой. Лицо его, иссеченное коричневой сеткой морщин, похоже на застывшую маску.

Тяжёлый перстень с изумрудом сверкает на дрожащем мизинце.

“Братья и сестры! Перед тем как приобщиться вновь к мистическим тайнам розенкрейцеров, возблагодарим тех, кто в это трудное время поддерживает наш орден: гроссмейстера Тана, пожертвовавшего десять миллионов рублей...”

Двадцать глаз с любопытством рассматривают парализованное тело на раскладушке.

“Президента независимой республики Чечня — один миллион рублей, союз евразийцев — две тысячи рублей, объединение ткачих города Иваново — одна тысяча рублей, Ивана Дохнаева из Лос-Анджелеса, в Калифорнии — пятьдесят долларов, Алёшу Рабиновича из Хайфы — восемнадцать долларов...”

“Даже из Израиля не перестают лезть в наши дела,” — как бы про себя, но достаточно громко произносит Коржнев.

Розенкрейцеры неловко молчат.

“Успокойтесь, гражданин,” — одергивает Коржнева неизвестно откуда появившийся начальник безопасности Вотов.

“Ну, чего успокойтесь,” — огрызается Коржнев. — “Вы тут на еврейско-чеченские деньги русский орден собираетесь устраивать, а как русский человек хочет слово сказать, так сразу “успокойтесь”. Да, ладно...” Машет рукой и, прихватив свой потрепанный портфель, пересаживается на освободившееся место рядом с Надей.

Владимир Арчилович, закатывая покрытые плесенью зрачки и булькая слюною, начинает нараспев:

“Сущность древнего учения розенкрейцеров в мистическом единстве розы, воплощающей защищенную терниями кровавую земную красоту, и креста, символизирующего красоту духовную, в единстве человеческого и Божественного.”

Изумруд на его мизинце разгорается нестерпимым светом.

“Из поколения в поколение, сотни лет передавали великие посвященные сущность древнего учения розенкрейцеров... И вот теперь, в свободной России, разграбленной безбожными коммунистами великой земле нашей, как Христос принявшей на себя грехи других народов, смиренно распявшей себя руками сталинских палачей, именно теперь, когда до последнего предела сгущается тьма, должен вспыхнуть здесь, в России, затаенный свет древнего учения розы и креста. Ибо там, где тьма всего сильнее, и возникает свет.”

Голос Владимира Арчиловича срывается на крик.

“Как тысячу лет назад, в начале первого тысячелетия России, православие Второго Завета, завета распятого Христа, пришло из Второго Рима и стало основанием нашего государства, так и сейчас, в начале второго тысячелетия распявшей себя России, учение розенкрейцеров, учение Третьего Завета, завета Святого Духа, здесь, на нашей Родине, сошедшего на землю, будет основанием Нового Государства, великого Третьего Рима. Евразия Третьего Рима будет центром мировой духовности, чистилищем мировой души...”

“Дозвольте вопрос задать,” — с трудом поднимается из заднего ряда инвалидов в плешивом пиджаке. В наступившей тишине отчетливо слышен скрип его протезов.

“Да, сделайте одолжение,” — разлепляя глаза, рассеянно произносит Владимир Арчилович. Коричневая сетка морщин оживает.

“Вы тут про чистилище говорили. А ведь чистилище это римские католики выдумали. А у нас, у православных, нет никакого чистилища и быть не может.”

“Вы, что, священник будете?” — обращается к инвалиду его сосед, пузатый человек с окладистой, тщательно расчесанной бородой. Хитрые глаза его насмешливо пробегают по орденам инвалида.

“Я священник для себя и для некоторых,” — твердо отвечает инвалид. Кадык на его дряблой шее ходит, как челнок.

“Ересь все это для православных, вот что. Хуже марксизма. Слова красивые, но нет в них благодати. Да и обычаи какие-то странные... Тащат из-за границы что ни попадя...”

“Правильно человек говорит, — встречается из первого ряда протрезвевший Коржнев. — Опять хотят заморочить русских людей старой иезуитской хитростью. Страна уж того гляди голодать начнёт. Пенсионеры, отцы и матери наши, стоят на улицах милостыню просят, а тут тебе все про гармонию, да про мировую душу, где-то в Калифорнии сделанную... Сколько же терпеть ещё? Тысячу лет все не могут нас, бедных людей русских, в покое оставить! То варяги, то греки со своим православием, то немцев при Петре навезли, потом французов разных, потом еврей-коммунисты. Теперь вот чечня, как стервятники, с гор налетела... Только калифорнийских розенкрейцеров не хватало.”

Поворачивает бугристое лицо к Наде и, думая о чем-то своем, продолжает:

“Эх, не умеем мы, русские, за себя постоять! Доверчивы больно. Вот и правят нами все, кому не лень.”

“Да что вы тут демагогию разводите! Дома бы сидели, если вам не интересно,” — не выдерживает пузатый с окладистой бородою.

“Демагогию? Да я за эту демагогию шесть лет в Потьме рукавицы шил, пока ты, падла, по ресторанам себе брюхо отращивал!”

“Ой, что вы, успокойтесь, пожалуйста...” — Надя кладёт тёплую ладошку на прокуренные пальцы Коржнева.

Пузатый выжидающе смотрит на Вотова.

“Дайте же мне досказать,” — не унимается между тем инвалид в плешивом пиджаке. — “Есть у нас, православных, и Ветхий, и Новый Завет, Евангелие Господа Бога нашего Иисуса Христа, и не нужно нам Третьего завета. Не от Святого Духа, а от Зверя завет этот. Ересь в нем сатанинская, ересь и все.”

Вдоль задней стены медленно движется массивное цилиндрическое тело Вотова. В его коротких руках все громче потрескивает счётчик Гейгера.

Розенкрейцеры испуганно вскакивают с мест и забиваются в дальний угол зала.

Вотов вплотную подходит к инвалиду, и счётчик взрывается ревущим звуком сирены.

“Ордена заражены радиацией,” — кричит Вотов. — “Немедленно снимите пиджак и уходите отсюда!”

Инвалид подчиняется, поспешно сбрасывает пиджак на пол и, нелепо подпрыгивая, выбегает из зала.

Вокруг кучи орденов на полу быстро растёт пузырь пустоты.

Вотов уходит за сцену и через минуту возвращается в свинцовом переднике. В руках его старинные щипцы для камина.

На волосатом лице Гиацинта появляется сардоническая ухмылка.

Вотов с грохотом открывает сейф и щипцами кладёт внутрь пиджак со смертоносными орденами.

Счетчик успокаивается.

Розенкрейцеры с опаской возвращаются на свои места.

“Ну и старичок,” — бормочет пузатый. — “Где же он эти ордена достал? Нельзя пускать случайных людей на наши радения.”

Гиацинт встаёт из-за стола. Почему-то сейчас он кажется намного выше, чем раньше. Лопасты черного фрака, как крылья, шевелятся за его спиной. Рядом, засунув руки в карманы куртки и оцетинившись в зал заклёпками, уже стоит вездесущий Вотов.

Гиацинт наводит на резкость свои выпуклые совиные глаза:

“Начиная с этой минуты Владимира Арчиловича никто не будет перебивать.”

Владимир Арчилович, осторожно массируя свои морщины, начинает нараспев, постепенно воодушевляясь:

“Учение розенкрейцеров восходит к древнему Египту — колыбели нашей цивилизации, а некоторые считают, что даже к ещё более древней цивилизации Атлантиды.” Поигрывая изумрудом на мизинце, выдерживает минутную паузу. Затем, закрыв заплесневевшие зрачки, продолжает:

“В новые времена орден был воссоздан Христианом Розенкраусом около 1400 года. Розенкраус жил сто шесть лет. После его смерти гроссмейстером ордена стал великий врач Парацельс. Таким образом, орден в первый раз появился на исторической арене в то же время, когда возникло молодое московское государство. И сейчас орден снова возрождается одновременно со свободной Россией.”

Владимир Арчилович замолкает и длинным, белым языком облизывает пересохшие губы.

“Мы, несколько человек в этом зале, ещё одно звено той великой непрекращающейся цепи, начало которой уходит в глубь тысячелетий. И, может быть, в эту самую минуту в нас возрождаются души великих розенкрейцеров прошлого и с ними понемногу возвращается память о наших предыдущих воплощениях. Братья и сестры! Обратим зрачки наши внутрь себя и мысленно сосредоточимся на священном символе розы и креста, ибо только растворившись в этом великом символе, мы сможем регрессировать в свои предыдущие жизни, сможем вступить в духовный контакт с нерожденными ещё существами — носителями вечных тайн розенкрейцерства.”

В зале становится совсем тихо. Слышно, как вода на стекле оmyвает воду. Большая белая птица бьётся крыльями в оконную раму.

Из первого ряда поднимается Роза Крестова, худая анемичная женщина-медиум, лет тридцати, похожая на инопланетянку. В галогеновой коже ее лица пульсируют голубые плоские деревья вздувшихся вен.

Вытянув перед собой дрожащие пальцы, инкрустированные пер-

ламутровыми ногтями, Роза выходит на сцену и опускается в позу лотоса у раскладушки Тана.

Закрывает глаза. Витает.

По ступенькам в зал спускается Гиацинт, подходит вплотную к зеркалу, всматривается в свое тусклое изображение и с отвращением произносит:

“Это тело — не я. Я загнан в него.”

Пауза. Гиацинт отодвигает рукой воздух и продолжает звонким металлическим голосом:

“Я, Гиацинт, Магистр российских розенкрейцеров, обращаюсь к вам, наши братья в далекой Калифорнии. Слышите ли вы меня? Слышите ли вы меня?”

Веко Гиацинта подергивается.

На сцене Роза Крестова, неестественно выгнувшись, бормочет глухие заклинания.

Надя, вцепившись в руку Коржнева, повторяет за нею.

Отражение Гиацинта в упор смотрит на Надю из зеркала и, не раскрывая рта, произносит:

“В этом зале присутствует злая воля, не дающая нам вступить в контакт с нашими братьями.”

Гиацинт резко оборачивается. Его отражение ещё несколько секунд продолжает рассматривать Надю, затем, усмехнувшись, исчезает. Поверхность зеркала покрывается мелкой рябью.

“Надя!” — взрывается, наконец, Коржнев. — “Пойдёмте отсюда! Вы (чистая русская девушка, что вам-то здесь делать? Со всеми этими Гильденстернами и Розенкранцами? А этого, с совиными глазами, я ведь знаю! Он при коммунистах в Ленконцерте фокусником работал. Пойдемте отсюда! Ведь они же тут из вас душу выпьют!”

Надя вспыхивает до корней волос, поправляет свою короткую юбку и пытается встать, но тотчас же опускается под тяжелым, гипнотизирующим взглядом Гиацинта.

“У! Быдло интеллигентское!” — звереет Коржнев. — “Денег ворованных нахватали и решили чертовщиной побаловаться?”

Поворачивается к невозмутимо застывшему над ним Вотову:

“А ты что, сука гэбэшная? Отъелся на чеченских пашлыках?”

Красные кровяные тельца с бешеной скоростью несутся по артериям массивного коржневского тела.

“Ненавижу,” — согнув бычью шею, он бросается на Вотова. Тот коротким ударом кулака сбивает его с ног.

Русские розенкрейцеры отупело смотрят, как Коржнев лежит на боку, скорчившись напоподобие зародыща. Кровь хлещет из его рта.

На сцене Роза Крестова в позе лотоса повторяет заклинания. Тускло мерцают ее лунные запястья.

Алина Ильинична со скатертью в руках уверенно протискивается

сквозь толпу. Прикладывает скатерть к разбитому лицу Коржнева, пытаясь остановить кровь.

Сзади приглушенно всхлипывает Надя.

Вот за ноги тащит обмякшее тело Коржнева через весь зал и безразлично выкидывает его за дверь.

Алина Ильинична с окровавленной скатертью в руках торжественно поднимается на сцену.

Пятна крови на скатерти принимают очертания мохнатой розы, в глубине которой угадывается тонкий крест.

Алина Ильинична бережно расстилает скатерть на столе перед Гиацинтом.

Вот приносит ещё один наполненный пряной жидкостью кубок и пускает его по рядам.

Розенкрейцеры пьют быстро и жадно, не отрывая глаз от бормочущей на сцене Розы Крестовой.

“Братья наши в далёкой Калифорнии! Теперь, когда нет среди нас чужих, и все говоримо между нами, ответите ли вы мне? Ответите ли вы мне?”

Металлический голос Гиацинта заполняет пространство.

На лбу Розы Крестовой все сильнее вздуваются вены. Капли воздуха струятся по галогеновому лицу.

Несколько раз она открывает рот, пытаясь что-то сказать. Наконец грубым мужским басом выдавливает:

“Что нужно-то?”

Восхищенный шепот проносится по залу.

В дореволюционной люстре гаснет свет.

Вот зажигает свечу и ставит ее на пол.

“Кто ты?” — Гиацинт наклоняется над сидящей в лотосе Розой.

“Я? Я — Иван Дохнаев из Лос-Анджелеса. Что нужно?”

“Мы — первая община российских розенкрейцеров. Ищем знак приобщения к братству.”

“Приобщение к братству всегда через кровь.” В голосе, выходящем из горла Розы Крестовой, все сильнее слышен тяжелый восточный акцент.

“Русская девственница раскроется навстречу мужественной силе Розенкрейцера. Чужая кровь на скатерти смешается с чистой кровью Надежды. Семя Розенкрейцера возродится великим гроттосмейстером ордена.”

Алина Ильинична бросается на пол перед оторопевшей Надей. Татуированная нога бьется в разрезе черного платья.

“Избранная! Тело твое сосуд для пресуществления! Избранная!”

Чёрные слёзы текут по набальзамированному лицу.

С трудом поднимается и, поддерживая Надю за плечи, ведёт ее на сцену.

Надя покорно стоит у стола, опустив руки, пока Алина Ильинич-

на осторожно раздевает ее. Розовая, застиранная рубашка с вышитым голубем на подоле падает на пол.

У противоположного конца стола Вотов так же осторожно раздевает Магистра.

Свеча возле Розы Крестовой разгорается все ярче.

Обезумевший дождь барабанит в окно. Большая птица снова пытается разбить стекло.

Надя лежит на окровавленной скатерти, раскинув руки и ноги, похожая на огромную белую букву "X". По волнистому лицу ее блуждает бессмысленная усмешка.

Снизу из тела Розы Крестовой что-то несуразное бормочет Иван Дохнаев:

"...за изгнание наше... за детей наших, погибших в пустыне... вдали от родных гор... за голод..."

Гиацинт проводит ребром левой ладони от горла к животу. Ложится на распластанное на скатерти Надино тело. Резким движением входит в нее.

Звериный крик девственницы тонет в торжествующих криках розенкрейцеров.

Свеча на полу гаснет.

Совиные глаза Гиацинта, как фары, горят в темноте.

В зал врывается всклоченный, промокший до нитки Коржнев и следом за ним милиционер с добродушным стоеросовым лицом.

Всеобщая суматоха в темноте. Наконец зажигается свет.

Гиацинт и Надя, полностью одетые, сидят за столом на сцене. Роза Крестова дремлет на стуле в первом ряду. Рядом с нею в дорогом французском костюме и белой, жестко накрахмаленной рубашке развалилось массивное, цилиндрическое тело Вотова.

"Вот этот меня и избивал," — торжествующе кричит Коржнев, указывая на Вотова.

"Ваши документы," — неуверенным голосом произносит милиционер.

Вотов небрежно протягивает ему заграничный паспорт с заложенной в него десятидолларовой бумажкой.

Зажав бумажку в огромном кулаке, милиционер долго изучает паспорт и вежливо возвращает его Вотову.

"Может, вам это все показалось?" — светло улыбаясь, обращается Вотов к Коржневу.

"Показалось? Ах ты сука!"

Огромные желваки дергаются на бугристом, измазанном засохшей кровью лице Коржнева.

Не обращая на него внимания, милиционер обращается к Гиацинту:

"Чем вы тут в темноте занимались, когда мы вошли?"

"Понимаете," — спокойно, с лёгким акцентом объясняет тот. — "У нас было собрание акционеров русско-калифорнийской нефтяной

компании. Внезапно перегорел свет, пришлось продолжать при свече. Когда вы вошли, свеча погасла. Это вот — господин Тан, председатель правления компании. Он тяжело болен и поэтому лежит даже во время заседаний.”

Закутанный в плед Тан медленно кивает головой.

“А это все бумаги нашей компании и здесь, на столе, и в сейфе...”

“В сейфе у них радиоактивные ордена спрятаны,” — не выдерживает Коржнев.

“Какие ещё ордена?” — удивляется милиционер. — “Давайте посмотрим...”

Гиацинт открывает дверцу сейфа. Видны полки, доверху набитые пыльными пожелтевшими папками.

Коржнев тупо смотрит на папки, переводит взгляд на Надю, сплёвывает и, со злостью ударив кулаком в дверь, выбегает.

Надя сидит неподвижно, уставившись в переносицу голубыми глазами.

Гиацинт расслабленной походкой приближается к милиционеру. Ребром левой ладони проводит от горла вниз, к животу. Вокруг его головы появляется холодное зеленоватое свечение. Волосы в ушах встают дыбом.

“Это у меня волны мозговые...” — ласково объясняет Гиацинт обалдевшему милиционеру.

“Ауру над макушкой различаете? То-то!” — строго прибавляет он и, засунув милиционеру в карман ещё одну десятидолларовую бумажку, выпроваживает его.

Поднимается на сцену.

“Наше радение закончено. Скоро вы все получите денежное вознаграждение от гроссмейстера Тана вместе с письмом, извещающим о следующей встрече. И помните,” — металлический голос Магистра со всех сторон обрушивается на присмиривших розенкрейцеров. — “Мы уберем любого, кто посмеет хотя бы заикнуться о нашем ордене.”

Не глядя друг на друга, розенкрейцеры поспешно расходятся.

Держась обеими руками за низ живота и шатаясь, как пьяная, уходит окровавленная Надя.

Владимир Арчилович и пузатый человек с окладистой бородой бережно уносят на носилках безжизненное тело гроссмейстера.

В зале остаются только Вотов и Гиацинт.

Вотов достаёт из-под стола бутылку коньяка и два граненых стакана. Разливает. Пьют залпом и, положив друг другу руки на плечи, затягивают бесконечную, заунывную песню без слов.